

§2 ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ КОНФЛИКТОЛОГИИ

Карякин В. В.

ДЕФИНИЦИЯ И ПАРАДИГМЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Настоящая статья посвящена дефиниции и парадигмам политологического исследования, отражающим многомерность геополитического пространства в эпоху глобализации. Цель настоящего исследования – формирование представлений о парадигмальной базе современных политологических исследований, о предметном поле политологии и его границах. Объект исследования – современная политическая наука. Предмет исследования – дефиниции и парадигмы современных политологических исследований. Показано, что понятие парадигма является коммуникативной основой деятельности научного сообщества, в которой присутствуют мыслительные конструкции видения реальности, являющиеся основой самоорганизации научного сообщества. Методологической основой исследования является системный, структурно-функциональный, сравнительно-политический подходы, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, наблюдения. В настоящей статье рассмотрена системная трансформация геополитических дефиниций и дано её определение, отвечающее современным реалиям. Представлена система геополитических парадигм, отражающая глобальные политические процессы. Обозначена связь системы парадигм с «волновой» трактовкой эволюции геополитической мысли. В заключение сформулирована обобщенная парадигма современной геополитики.

Ключевые слова: геополитика, Россия, мировая политика, глобальная нестабильность, международные отношения, дипломатия, интересы, дефиниция геополитики, безопасность, геополитические парадигмы.

Review. This article focuses on the modern definition of and paradigms of geopolitical studies that reflect the multidimensional nature of the geopolitical space in the era of globalization. The goal of this article is to form the concepts of the paradigm basis of modern political science studies, and on the subject field and the borders of political science. The subject of this study are the definitions and paradigms of the modern political science studies.

It is shown that the definition of paradigm is the communicative basis of scientific work, and involves the usage of mental constructs of the perception of reality, forming the foundation of the scientific society's self-organization. The methodological basis of the research is a systemic, structural and functional, comparative political approaches, methods of analysis, synthesis, induction, deduction, observation. The article considers the system transformation of the geopolitical definitions, provides the definition for this transformation that is appropriate for modern realities. The author presents a system of geopolitical paradigms that reflects global political processes. The author also indicates the connection between the system of paradigms and the «wave» evolution theory of geopolitical thought. In conclusion of the study, the author formulates the most general paradigm of modern geopolitics.

Keywords: *geopolitical definition, interests, diplomacy, international relations, global insecurity, world politics, Russia, geopolitics, security, geopolitical paradigms.*

Когда мы хотим выделить какую-либо область научного знания, то стараемся дать ей определение, в котором кратко описываем её характеристики и предназначение. «Дать определение», таким образом, означает не что иное, как уверенность, что с помощью данной операции мы стремимся раскрыть сущность и природу явлений рассматриваемой области научного знания. При этом допускается, что в дальнейшем это понятие будет детализироваться и уточняться, развертываясь в более широкую систему понятий, раскрывающих сущность исследуемой области во всей полноте [1]. Поэтому дефиниция играет ключевую роль в исследованиях, устанавливая определенный «коридор рассмотрения», определяемый в дальнейшем парадигмами, принятыми в данной области научного знания.

Вместе с тем следует напомнить высказывание Ф. Энгельса, который считал, что «дефиниции не имеют значения для науки, потому что они всегда оказываются недостаточными. Единственно реальной дефиницией оказывается развитие самого существа дела, а это уже не есть дефиниция. Но для обыденного употребления краткое указание наиболее характерных отличительных признаков в так называемой дефиниции часто бывает полезно и даже необходимо, да оно и не может вредить, если только от дефиниции не требуют, чтобы она давала больше того, что она в состоянии выразить» [2].

Как отмечал автор концепций научных революций Т. Кун, «ни одна теория никогда не решает всех головоломок, с которыми она сталкивается в данное время, а так же нет ни одного уже достигнутого решения, которое было бы совершенно безупречно. Наоборот, именно неполнота и несовершенство существующих теоретических данных дают возможность в любой момент определить множество головоломок, которые

характеризуют нормальную науку. Все исторически значимые теории согласуются с фактами, но только в большей или меньшей степени [3].

Связь между парадигмами и дефинициями в политике установил немецкий социолог, политолог и экономист М. Вебер, который писал, что политика – это стремление к власти или к оказанию влияния на её распределение между государствами или в государстве между группами людей, которых оно в себе заключает. «Властные» дефиниции политики отражают её сущность как важнейшее конституирующее качество, конкретизирующееся и дополняющееся через институциональные дефиниции, характеризующие парадигмами, описывающих отношения в международных и государственных структурах и воплощающие и материализующие властные функции субъектов государственной и международной политики [4].

В геополитике важен конфликтный аспект дефиниции акцентирующий внимание на противоречиях, которые лежат в основе международных отношений, определяющих их направления развития и динамику. Поэтому геополитику, как раздел политологии, можно рассматривать как деятельность государств или социальных групп по насильственному или мирному разрешению конфликтов или противоречий. Ввиду того, что в основе современных международных отношений лежит конфликтно-балансный принцип, они, как правило, невозможны без поиска на начальном этапе определённого консенсуса при взаимодействии всех участников этих отношений, если они основаны на их общей заинтересованности в укреплении международного мира и безопасности и признании всеми участниками норм международного права.

Если рассматривать дефиниции с точки зрения политической антропологии [5], то первому этапу развития геополитической мысли соответ-

ствовал «человек пространственный», который мыслит категориями занимаемой им территории, а характер его поведения и устремления определялись рельефом и ландшафтом занимаемой им местности.

Второму этапу развития геополитической мысли соответствовал «человек идеологический», живший и действовавший в условиях противоборства антагонистических идеологических и социально-политических систем.

Третьему этапу развития геополитической мысли соответствует «человек информационный», живущий и действующий в глобальном информационном пространстве эпохи Постмодерна и имеющий возможность оказывать влияние на ход политических процессов, действуя в социальных и коммуникационных сетях.

Если же заглянуть за горизонт эпохи Постмодерна, то можно предположить, что четвёртому этапу развития геополитической мысли, вероятно, будет соответствовать «человек знающий», живущий в эпоху информационных и когнитивных технологий.

Наряду с вышеперечисленными особенностями дефиниции в геополитике существует ещё и телеологическая дефиниция, рассматривающая политику руководства страны по определению путей решения её геополитических задач. Здесь следует отметить следующий конструктивный момент, заключающийся в коллективной природе международной и внутригосударственной политики, выраженной в совместной сознательной и целенаправленной деятельности социальных групп, политических партий, общественных движений, государств и их объединений на достижение определённых целей. В настоящее время данный аспект является особенно актуальным в свете нарастания социальной энтропии и хаоса, проявляющихся в форме «цветных» революций и «народных восстаний», деятельности сепаратистских движений, в которых роль и значимость даже отдельных членов социума может возрасти до общегосударственного или регионального масштабов.

Подводя итог сказанному, определим базовую дефиницию геополитики как исследование социально-политической сферы внутригосударственных и международных отношений в вопросах обретения, легитимации, организации, освоения как традиционных (территориальных, ресурсных, экономических, финансовых, демографических), так и современных измерений (конфессиональных, информационных, куль-

турных и когнитивных) геополитического пространства, приобретших особую значимость в эпоху Постмодерна.

Обращаясь к понятию парадигмы (от греч. – пример, модель, образец), отметим, прежде всего, что это понятие является базовым в философии, социологии и политологии. Т. Кун в своей книге «Структура научных революций» писал, что «в своём установленном употреблении понятие парадигмы означает принятую модель или образец; именно этот аспект значения слова «парадигма» за неимением лучшего позволяет мне использовать его здесь. В этом стандартном применении парадигма функционирует в качестве разрешения на копирование примеров, каждый из которых может в принципе её заметить. В науке, с другой стороны, парадигма редко является объектом копирования. В место этого, подобно принятому судом решению в рамках общего закона, она представляет собой объект для дальнейшей разработки и конкретизации в новых или более трудных условиях» [6].

Физик и философ Д. Бом, расширивший понятие «парадигма», обозначил её как коммуникативную основу научного сообщества, в которой присутствуют мыслительные конструкции восприятия ценностей, создающие «определённое видение реальности, оказывающееся основой самоорганизации общества» [7]. Для учёного смена парадигм равнозначна смене его родной среды обитания. Поэтому проблема выбора парадигмы сама по себе отражает один из ключевых принципов научной рациональности – экспликацию внутренних ценностей и их соотношения с социальными целями и ценностями [8].

Относительно эволюции парадигм Т. Кун отмечает, что они могут и должны конкретизироваться в новых условиях, что даёт нам возможность сформулировать их новую совокупность, которая призвана, для определённого периода развития рассматриваемой научной области, служить базой для постановки и решения актуальных проблем геополитики в «революционные» периоды развития научного знания [9].

В связи с этим, представляет интерес расширительное определение парадигмы, данное применительно к политическим наукам данное И. А. Василенко, которая определяет научную парадигму как «совокупность норм, правил и ценностей, которые создают установку мышления познавать явления в определённом ракурсе или в соответствующем методологическом ключе»

[10]. Ещё более широкую трактовку парадигмы даёт Э. Петерс, который утверждает, что «парадигма – это умозрительная модель, позволяющая рассматривать явления в глобальном масштабе» [11]. Последнее утверждение важно с точки зрения системности подхода к изучению явлений социально-политической жизни общества, но при этом не следует забывать о необходимости декомпозиции и классификации процессов и явлений. Очевидно, что золотая середина при построении системы парадигм находится в рассмотрении только критически важных аспектов сущностного знания, необходимых для дальнейшего развития данной научной области с целью отображения динамики процессов, адекватно отражающих реальности современного мира.

В целом можно сказать, что с точки зрения методологии геополитических исследований, парадигмы призваны обеспечить ценностный и мировоззренческий фундамент для исследования пространственно-временных отношений между государствами с учётом всех критически важных факторов, которые определяют динамику и направленность социально-политических процессов. Задачей данной научной категории является обобщение явлений и тенденций наблюдаемой реальности и выделение из неё главных факторов для последующего их концептуального осмысления. В своё время Г. Гегель подчёркивал, что «всё дело в том, чтобы в видимости временного и проходящего познать субстанцию, которая имманентна, вечное, которое присутствует в настоящем» [12].

Как отмечает И. А. Василенко, в геополитике происходила последовательная смена базовых парадигм: национально-государственной, идеологической, цивилизационной и информационной. Теперь, по её мнению, настало время динамического подхода к рассматриваемым явлениям [13]. По нашему мнению, данный подход необходимо основывать на постнеклассическо-синергетической системе парадигм, как новой «системе координат» современной геополитики. «Смена парадигм – это смена отношений к объекту исследования, предполагающая изменение методов анализа, установки и целей исследования, угла зрения на предмет, а часто и вообще смена самого предмета исследования» [14].

Актуальность решения данного вопроса отмечает также Е. А. Сеньшин, который пишет, что «несмотря на огромный массив литературы по геополитике, до сих пор в ней существует один пробел: нет более-менее чёткой классификации

её парадигм. Отсюда возникают разногласия по поводу того, что есть истинная геополитика, а что лжегеополитика, какие концепции адекватны современности, а какие устарели» [15]. Тем самым он обозначил внутренний кризис геополитики, являющийся следствием отсутствия категорий и парадигм, отражающих реалии международной политики и многообразия геополитических пространств.

Пытаясь реабилитировать геополитику как науку, некоторые исследователи идут по пути подмены геополитики глобалистикой, что не только не охватывает все аспекты политологических проблем, но и уводит их в сторону от рассмотрения главной задачи – соперничества участников международной политики за овладение и удержание геополитических ресурсов. Очевидно, что для придания геополитике современного наполнения, требуется разработка новой системы парадигм, отражающих многомерность геополитического пространства в условиях глобализации. Это ориентирует исследователя на комплексное рассмотрение глобальных процессов в контексте реализации целей и средств их достижения субъектами международной политики, направленных на обретение, легитимацию, удержание и использование геополитических ресурсов.

Использование идей, изложенных в работе Е.А. Сеньшина [16], позволило автору сформулировать своё видение развития геополитических парадигм и дать «волновую» интерпретацию развития геополитической мысли (см. Таблицу 1).

По нашему мнению, приведенная в Таблице 1 эволюция геополитических парадигм может быть положена в основу построения рассмотренной далее системы парадигм, отражающих многомерность геополитического пространства в эпоху Постмодерна.

а) Парадигма экспансионизма.

Данная парадигма отражает как «географические аспекты политических феноменов» [17], так и «отношения между континентальными и морскими державами при проведении ими соответствующей внешней политики» [18]. Как видно, в Американской и Международной энциклопедиях на время их изданий не нашли отражения те изменения, которые принесла эпоха Постмодерна. Постнеклассический подход нашел отражение позже в работах американского учёного К. Грэя, который писал, что «геополитика занимается исследованием взаимосвязей поли-

Таблица 1. Связь эволюции геополитических парадигм с «волновой» интерпретацией развития геополитической мысли

По версии Е. А. Сеньшина		Авторская версия	
Этапы развития геополитики	Парадигмы	Парадигмы	«Волновая» интерпретация развития геополитики
Классический	Геофизическая (географический детерминизм)	Силового экспансионизма в условиях длительной цикличности геополитических процессов возвышения – расцвета – упадка государств и империй	Первая волна – классическая геополитика
Ревизионистский	Идеологическая (противостояния двух сверхдержав в годы «холодной войны»)	Латентного экспансионизма в условиях рядки международной напряженности с применением стратегий «мягкой силы» и «непрямых действий»	Вторая волна – неклассическая геополитика
Модернистский	Геоэкономическая (глобализация мира под эгидой транснациональных корпораций и трансграничных неправительственных политических организаций)	Экспансионизма во всех видах многомерного геополитического пространства с применением технологий «управляемого хаоса» и манипулирования сознанием масс с целью реформирования национальной и культурно-конфессиональной идентичности народов	Третья волна – постнеклассическая геополитика

тической мощи государств и географических факторов, влияния пространственных отношений на возвышение и упадок силовых центров, а также влияния технологических, политико-организационных и демографических процессов на геополитическую мощь государств» [19]. Тем самым им было обозначено расширение поля геополитических исследований за счёт включения социально-политического и демографического факторов.

В эпоху Постмодерна отошли на второй план традиционные виды экспансионизма, выраженные в парадигме Клаузевица «бой является начальным пунктом, от которого исходят все явления войны» [20], а на их место был выдвинут «цивилизационный» подход А. Тойнби [21] с приоритетом общечеловеческих гуманистических принципов, под знаменем которых проводится политическая трансформация проблемных, с точки зрения Запада, регионов планеты.

Однако, как показывает новейшая историческая практика, несмотря на активность сторон-

ников «цивилизационного» подхода, методы силовой геополитики так и не ушли в прошлое. Наоборот, её арсенал стал более разнообразным и изощрённым. С появлением и развитием информационных, политических и психологических технологий в сочетании с технологиями ведения «гибридных войн», силовая геополитика приобрела новые формы и способы её реализации [22].

Как отмечает Б. Н. Шапталов [23][24], если таким факторам развития человечества, как экономика и культура в научной литературе уделено огромное внимание, то экспансионизм рассматривается как сугубо вторичное явление, порождение воли и свершений исторических личностей. При этом он отмечает, что до последнего времени экспансионизм не рассматривался в качестве самостоятельного фактора общественного развития и не связывался с социальной энергией народных масс, ведомых пассионариями.

Зародившийся в эпоху античности экспансионизм великих держав коренным образом

изменял ход исторического развития человеческого общества, что выразилось в переходе от эволюционной формы развития общинно-племенных первобытных обществ, разбросанных на обширных слабозаселённых территориях, к революционной, ведущим принципом которой стала военная экспансия для расширения своих границ.

Вопрос о том, почему у одних народов проявился феномен экспансионизма, а других он не наблюдался, является до сих пор открытым. Б. Н. Шапталов в своих работах, объясняя прогрессивную роль экспансионизма, утверждает, что экспансионизм это:

- своеобразный приводной ремень смены общественно-политических формаций на пути социального прогресса человечества;

- механизм реализации этноэнергетики народов и личностных качеств их вождей в конкретные формы государственных и имперских образований;

- катализатор социальных процессов при формировании национального самосознания и идентичностей этносов и народностей.

Экспансионизм является своеобразным двигателем истории, при этом «горючим» для него является этноэнергетика народа, а «запалом» – пассионарные личности, поставившие перед собой цель создание империй или сильных государств [25].

В свете подхода к эволюции геополитических парадигм, представленного в Таблице, парадигма экспансионизма трансформировалась от её классического представления в форме силового противоборства, через экспансионизм великих держав в годы «холодной войны» в форме непрямых действий и «мягкой силы», прикрываемый риторикой политиков о стремлении к миру и международной безопасности, к экспансионизму эпохи Постмодерна, когда нашли широкое применение технологии «управляемого хаоса» и переформатирования сознания человека.

В мире Постмодерна возникли новые системы экспансионизма: экспортная экономика, инновационные технологии, неконтролируемая иммиграция, культура и радикальные политические движения ислама. Те государства, которые сумели сформировать механизмы экономической и научно-технологической экспансии, стали центрами силы и влияния. Тем государствам, которые стремятся сохранить свою цивилизационную идентичность, необходимо разрабаты-

вать механизмы противодействия чужеродным влияниям.

Место теории экспансионизма в геополитике обусловлено тем, что она раскрывает процессы развития цивилизаций в форме триады: «рождение – возвышение и расцвет – упадок и гибель». В настоящее время теория экспансионизма наряду с изучением вопросов формирования современных империй и принципов центрально-периферийного построения мира, призвана заниматься вопросами борьбы в информационном и когнитивном пространствах и ролью транснациональных корпораций и неправительственных организаций в разрушении основ государственности. По нашему мнению, исследования в данной области должны быть направлены на решение следующих проблем:

- выявление факторов зарождения и путей формирования крупных государственных образований и неоимперий;

- определение пределов роста, предпосылок и признаков деградации и упадка великих держав;

- роль элит в решении геополитических задач своей страны.

б) Парадигма информационно-психологического противоборства.

Глобальные информационно-коммуникационные системы и их порождение – социальные сети и Интернет стали новой геополитической реальностью, которая положила начало формированию мирового информационного пространства.

В докладе Римского клуба, опубликованного в 1991 г. под названием «Первая глобальная революция», отмечалось, что формирование информационного общества и образование мирового финансово-экономического пространства нарушило принципы государственного суверенитета существовавшей до этого индустриальной общественной формации эпохи Модерна [26]. Это коренным образом изменило систему международных отношений. При этом стремительное внедрение информационных технологий в общественную жизнь оказало не только положительное, но и отрицательное влияние на его «здоровье». Последнее выразилось в том, что применение сетевых политических, психологических и когнитивных технологий привело к разрушению традиционного общественного уклада жизни многих народов, к размыванию их национальной идентичности и подрыву основ государственности неустой-

чивых к внешним воздействиям социально-политических систем.

Важнейшим фактором влияния на трансформацию мирового сообщества стала информация, циркулирующая в глобальных коммуникационных сетях и средствах массовой информации, к числу которых следует отнести спутниковое телевидение. Контроль, управление и форма подачи информации превратились в главный ресурс власти, виртуализация действительности всё более замещают в сознании населения реальности современного мира. Человек видит мир таким, каким он представлен на экранах телевизоров, на которых «говорящие головы» программируют сознание человека и определяют его поведение.

Это дало государствам, обладающим совершенными информационно-психологическими технологиями, возможность влияния на общественное мнение в глобальном масштабе. Благодаря им, появилась возможность реформатирования цивилизационной матрицы населения страны, и подавлять его способность к отражению агрессии в культурном и конфессиональном пространствах. К сожалению, государства-жертвы информационной агрессии ещё не обладают соответствующими технологическим и техническим потенциалами противодействия внешним воздействиям. Примером тому служат события в Северной Африке, на Ближнем Востоке и на Украине. Революции в арабском мире и на постсоветском пространстве показали ведущую роль политических и информационных технологий, как инструмента воздействия на сознание населения стран с неустойчивыми политическими режимами.

Практическая реализация Западом информационно-коммуникационной концепции управления социумами позволила осуществлять реформатирование геополитических пространств не силовыми методами с охватом разнородных политических сил, включив их в единый поток протестного движения при организации «цветных революций» и государственных переворотов.

Государства, обладающие такими средствами, изначально занимают доминирующее положение над остальным миром, поскольку в современном глобальном информационном обществе достижение лидерства обуславливается не столько силовыми методами, сколько технологиями распространения информации, посредством которых страны-агрессоры оказывают информационное и психологическое воздействие на

население страны-жертвы, прививая чуждые ему цивилизационные коды. В этом и состоит основная задача реформатирования сознания масс в эпоху Постмодерна – внедрить в сознание народа потенциального или уже реального противника запрограммированный культурно-идеологический код на основе формирования нового мышления, перестройки и ухода от традиционных национально-культурных и конфессиональных основ жизни социума.

Информационно-коммуникационная сеть – это новый инструмент структурирования социума, идущая на смену государственным институтам, а по утверждению апологетов глобализма, в перспективе, и самому делению мира на государственные образования. В глобализованном мире сетевые структуры приобрели свойство трансграничности, получив возможность распространять своё влияние в глобальном масштабе. Информационные технологии воздействия на население обладают высокой адаптивностью и устойчивостью к противодействию со стороны государства-жертвы. При необходимости они могут быстро изменять средства и методы работы при изменении внутренних и внешних условий функционирования. Находясь внутри социально-политической структуры государства и опираясь на так называемую «пятую колонну», они обладают возможностью успешно парировать противодействия со стороны государственных институтов.

в) Парадигма стратегий «мягкой силы» и непрямых действий.

Данная парадигма, имеет давнюю историю и обрела «второе дыхание» в эпоху Постмодерна, когда были устранены барьеры, существовавшие во времена классической и неклассической геополитики. Инструментальным набором средств для применения стратегий непрямых действий и «мягкой силы» являются PR- и политтехнологии, а в качестве среды их распространения используются рассмотренные выше информационно-коммуникационные системы и социальные сети, посредством которых осуществляется манипулирование поведением населения поверх государственных границ. Эффективная реализация стратегий мягкой силы и непрямых действий была осуществлена в операциях Запада по развалу СССР и социалистического лагеря, а в последние десятилетия при организации «цветных революций» на постсоветском пространстве и протестных движений на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Если в эпоху индустриальных обществ были чётко определены наземные, водные и воздушные границы государств, а их суверенность гарантировалась международным правом, документами и соглашениями, а также мощью национальных вооруженных сил, то в эпоху информационных технологий все эти барьеры преодолеваются, что даёт возможность эффективно воздействовать на настроения и моральное состояние людей, создавая, при необходимости, условия социального хаоса и превращая толпу в оружие уничтожающую собственное государство. При этом источник информационной агрессии, как правило, бывает скрыт, его трудно определить для организации противодействия, а если он и определяется, то ими оказываются «партнёры», с которыми руководители государства не желают ссориться. Главным достоинством таких технологий является их «легитимность» и скрытность применения. Их применение не подпадает под классическое определение «агрессии», принятое в международном праве.

Средой, в которой осуществляется реализация технологий информационно-психологического вторжения, являются разного рода иностранные неправительственные организации и фонды, с помощью которых осуществляется встраивание в государственные институты и общественную среду параллельных структур влияния, руководство которыми осуществляется извне и имеет международную легитимность. При этом оболочка государства не претерпевает изменений, но реальная власть и управление постепенно переходит к транснациональным структурам, которые Ж. Аттали называет «глобальным правовым государством» [27].

г) Парадигма циклической динамики.

В основе парадигмы циклической динамики лежит концепция геополитической динамики П. Кеннеди и Р. Коллинза [28][29][30][31], а также её современная реконструкция, выполненная автором в работах [32][33].

История развития человеческого общества показывает, что она имеет циклический характер. Самыми длительными циклами, по версии Л. Н. Гумилёва, являются циклы этногенеза, включающие зарождение, подъём, расцвет и упадок империй. Перечисленные состояния имели в прошлые времена среднюю продолжительность порядка 300 лет. Продолжительность активной жизни этноса от пассионарного толчка до его полного распада составляет порядка 1500 лет за исключением случаев, когда нормальный

ход развития этноса прерывался искусственно. В таких случаях этнос переходит в мемориальную фазу, либо он находит силы для возрождения с сохранением своей культурной и религиозной идентичности [34].

Примерами искусственного прерывания развития цивилизации служат уничтожение испанскими конкистадорами цивилизаций Центральной и Южной Америки в XIV–XV веках и европейскими поселенцами в XVII–XVIII веках индейцев Северной Америки. Примерами трансформации при сохранении культурно-этнической идентичности являются: образование Восточной Римской империи, существовавшей более 1000 лет после падения Западной Римской империи под ударами варваров и последующего наследования византийской традиции Московским царством после взятия Константинополя турками в 1453 г.

Однако исследование условий возвышения и причин упадка империй, как показала политическая практика, имеет чисто академический интерес, так как исторический опыт и причины падения государств и империй, как правило, не принимались во внимание политиками во все времена, несмотря на очевидную сходность исторических процессов и явлений.

С целью приближения науки к практике анализа и прогнозирования экономической обстановки Н. Д. Кондратьевым была разработана концепция экономических циклов, которые, по замыслу автора, должны были описывать данные процессы в экономической области, хотя автор допускал возможность применения своей теории и в социальной сфере [35]. Благодаря этому идеи Кондратьева послужили основой для формирования циклической парадигмы в геополитике, призванной объяснить природу мирового развития второй половины XX века.

В настоящее время стало очевидно, что циклическое развитие мировой системы приобретает другие формы под влиянием процессов глобализации, в которых всё большую роль играют транснациональные корпорации и трансграничные политические и неправительственные организации и движения, действующие в глобальном масштабе зачастую нарушая принципы международного права и законы государств, на территориях которых они работают.

В целом парадигма циклической динамики высвечивает следующие особенности:

– наличие объективно существующих временных циклов развития мировых держав от вос-

хождения к гегемонии и расцвета могущества к деградации и упадку. При этом государство-гегемон, осуществляя силовое, экономическое и культурно-информационное доминирование, берёт на себя бремя ответственности за поддержание созданного им мирового порядка, что влечёт за собой непосильное ресурсное, демографическое и логистическое перенапряжение;

– неравномерность динамики развития политических пространств, определяемых многовекторностью факторов глобализации, связанных с разработкой новых промышленных и информационных технологий, а также появлением новых миграционно-демографических и национально-конфессиональных факторов.

д) Парадигма нелинейности.

В соответствии с синергетическим видением социально-политических процессов парадигма нелинейности отражает потенциальную возможность эволюции системы по различным направлениям в точках бифуркации при изменении критических параметров внутренней и внешней среды её функционирования. В данном контексте парадигма нелинейности отражает следующие свойства сложных систем [36][37]:

– многовариантность и альтернативность путей их эволюции, определяемых наиболее сильным аттрактором, сформировавшимся в зоне бифуркации системы;

– возможность выбора (как осознанного, так и привнесённого извне) из ряда возможных альтернатив развития [40][41][42];

– темпоральность процессов, выраженной в наличии разных скоростей развития и целенаправленности происходящих в её подсистемах процессов, наряду с необратимостью событий, определяемых «стрелой времени» [38];

– критически сильное влияние случайных малых воздействий, способных создать макроскопический эффект, как типичных проявлений хаоса. При этом сама случайность никогда не повторяется, она уникальна и одномоментна. Её появление зачастую необъяснимо и загадочно, она не поддаётся прогнозу и всегда неожиданна, хотя и возникает на заранее подготовленной почве. Благоприятной средой для развития подобных процессов является наличие в системе механизмов положительной нелинейной обратной связи, порождающей сверхбыстрое их протекание.

Нелинейный мир – это мир с иными, отличающимися от привычных для классической науки закономерностями. Это другие закономерности в формировании сложных структур, основанные на взаимодействиях малых флуктуаций в хаотической среде, сборки сложной структуры из малых форм в условиях детерминированного хаоса и формирования механизмов самоподдерживающегося развития, коэволюции смежных систем, необратимости и одновременно частичной обратимости течения эволюционных процессов в открытых нелинейных системах. «Метастабильный порядок мироздания зиждется на первородной зияющей бездне потенциалов, заключенных в хаосе. Структуры рождаются в ха-

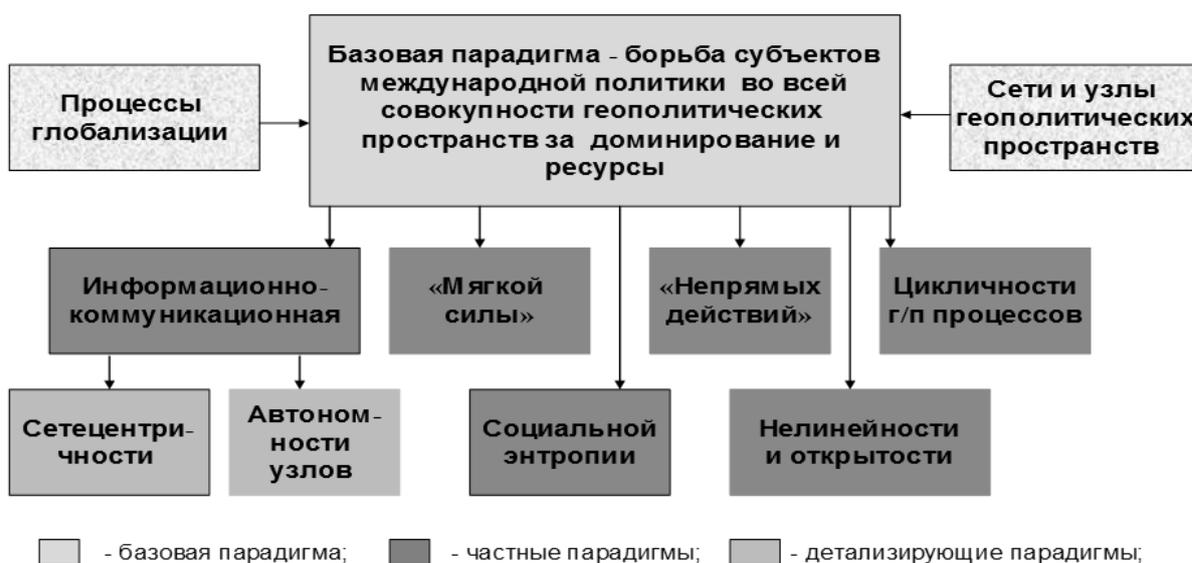

Рисунок 1. Система политологических парадигм

осе, который, разрушая старое, строит новое, организует системы, балансирующие на грани хаоса и порядка, как на лезвии бритвы» [39]. Хаос в физическом смысле ни в коем случае не тождественен беспорядку и не противоположен порядку. Он содержит в себе пропорциональные меры хаотичности и упорядоченности. Хаос определённым образом организован посредством фракталов и фрактальных кластеров. Хаос не является бесструктурным, его главными свойствами являются детерминированность и динамичность, которые являются средой, формирующей новую структуру системы.

В схематическом виде система политологических парадигм представлена на Рисунке 1.

В заключение следует отметить, что на основе разработанной системы геополитических парадигм можно сформулировать обобщен-

ное определение парадигмы современной геополитики, как сочетание парадигмы силовой экспансии классической геополитики с неклассической парадигмой мягкой силы, не прямых действий, а также парадигмой постнеклассической геополитики, отражающей применение информационно-сетевых технологий создания «управляемого социально-политического хаоса», в борьбе субъектов международной политики за доминирование (влияние) во всём спектре многовекторного геополитического пространства с целью овладения природными, демографическими и территориальными ресурсами государств, узловыми точками логистических и информационных сетей, а также военно-стратегическими плацдармами для последующего их использования в своих интересах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. БСЭ. изд. 3-е, т.18, с. 435.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20, сс. 634-635.
3. Кун Т. Структура научных революций. М. 1977 г., с.193, 194.
4. Вебер М. Избранные произв. М.: 1990, с.646-647.
5. Бочаров В. В. Политическая антропология и общественная практика. // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том. 1, №2, сс. 131-145.
6. Кун Т. Структура научных революций. Пер. с англ. И.З. Налетова. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009, сс. 47-48.
7. Аршинов В. И. Синергетика как язык пространств обновления. М.: 2001, с. 218.
8. Шевченко А. В. Информационная устойчивость политической системы. Монография. М.: Изд-во РАГС, с. 50-51.
9. Кун Т. Структура научных революций. М.; 2001, с. 119.
10. Василенко И. А. Геополитика современного мира. М.: Гардарики, 2006, с. 36.
11. Петерс Э. Хаос и порядок на рынках капитала. Новый аналитический взгляд на циклы, цены и изменчивость рынка. Пер. с англ. М.: Мир, 2000, с.15.
12. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии // Соч. т.1. М.-Л.: 1935, с. 54.
13. Василенко И. А. Геополитика современного мира. М.: Гардарики, 2006, с. 36-37.
14. Мухаев Р. Т. Геополитика. 3-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011, с.28.
15. Сеньшин Е. А. Эволюция геополитических парадигм в трансформирующемся мире. // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 48. сс. 49-62.
16. Там же.
17. Geopolitics // Encyclopedia Americana. N.Y. 1987. Vol. 12, p. 508.
18. Geopolitics // Encyclopedia International. N.Y. 1967. p. 526.
19. Gray C. Geopolitics of Superpower. N.Y. 1990. p. 4.
20. Лиддел Гарт, Б. Стратегия не прямых действий. Пер. с англ. М.: Астрель; Владимир: ВКТ, 2012, с. 481.
21. Тойнби А. Постижение истории. М.: Айрис-Пресс, 2010, 640 с.
22. Манойло А. В. Технологии «цветных революций» в современных проявлениях «гибридных войн», сс. 261-273. Коллективная монография «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века». Под ред. П.А. Цыганкова и А.Ю. Шутова, Изд. МГУ, 2015.
23. Шапталов Б. Н. Теория и практика экспансионизма. Опыт сильных держав. М.: URSS, 2009, с. 16.
24. Шапталов Б. Н. Феномен государственного лидерства. Экспансия в морской истории. М.: КРАФТ, 2008, с. 22-30.

25. Шапталов Б. Н. Теория и практика экспансионизма. Опыт сильных держав. М.: 2009, с. 15-20.
26. Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад Римскому клубу. М.: Прогресс, 1991.
27. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М.: 1993.
28. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers, 1500-2000. New York: Random House, 1987.
29. Коллинз Р. Предсказания в макросоциологии: случай советского коллапса. // *Время мира*. 2000. Вып. 1.
30. Collins R. The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change. Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1998.
31. Collins R. Weberian Sociological Theory. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1986.
32. Карякин В. Геополитическая динамика Р. Коллинза и современность. *Свободная мысль*, № 1(1608), 2010, с. 163-172.
33. Карякин В. В. Современная геополитическая динамика Ближнего и Среднего Востока. Монография. М.: ИГ «Граница», 2010, сс. 21-29.
34. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: 1980, сс. 368-491.
35. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры. Избр. соч. М.: 1993, сс. 203-205.
36. Князева Е. Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М.: КомКнига, 2005, с. 45.
37. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. Введение. М.: УРСС, 2003, сс. 23-24.
38. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. Пер. с англ. Изд. 6-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008, сс. 216-241.
39. Гринченко В.Т., Мацьпура В.Т., Снарский А.А. Введение в нелинейную динамику. Хаос и фракталы. Из-е 2-е, М.: Издательство ЛКИ, 2007, с. 128.
40. Манойло А. В. Гибридные войны и цветные революции в мировой политике. // *Вестник БИСТ. Серия «Общественные науки»*. 2015. № 4. С.7-19.
41. Манойло А. В. Парадигмы управления международными конфликтами: конкуренция или конфронтация. // *Национальная безопасность / nota bene*. 2011. № 5. С. 135-142.
42. Манойло А. В. Мирное разрешение международных конфликтов: национальные концепции, модели, технологии. // *Власть*. 2008. № 8. С. 79-83.
43. Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности: монография / под ред. П. А. Цыганкова. – М.: Издательство «Русайнс», 2015. – 280 с. ISBN 978-5-4365-0454-4 DOI 10.15216/978-5-4365-0454-4
44. Филиппов В. Р. Советская теория этноса. Историографический очерк / Сер. История науки. М., 2010.
45. Филиппова Е. И., Филиппов В.Р. Государство и общество перед лицом социального кризиса (две парадигмы: российская и французская) // *Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов*. 2005. Москва, 2006. С. 12-25.
46. Бочарников И. В. Террористическая группировка «Исламское государство» как закономерное следствие ближневосточной стратегии США // *Тренды и управление*. – 2015. – 4. – С. 395 – 402. DOI: 10.7256/2307-9118.2015.4.17007.
47. Арямова А. Д. Практическая реализация технологий цветных революций в Украине в 2004 и 2014 гг.: сравнительный анализ // *Международные отношения*. – 2015. – 4. – С. 439 – 442. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.4.17179.
48. Гюлер К. Бельгийский федерализм как форма управления этнополитическими конфликтами // *Международные отношения*. – 2015. – 4. – С. 426 – 430. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.4.17196.
49. Нейматов А. Я. Теоретические аспекты исследования цветных революций // *Тренды и управление*. – 2015. – 4. – С. 359 – 365. DOI: 10.7256/2307-9118.2015.4.16913.
50. Калачев Д. Н. Современная система международной безопасности: средовые параметры // *Международные отношения*. – 2014. – 4. – С. 544 – 549. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.4.13243.
51. Кузнецов И.И. Политическая прагматика империи: рецензия на книгу Герффрида Мюнклера «Империи: Логика господства над миром – от Древнего Рима и до США» // *Международные отношения*. – 2015. – 4. – С. 454 – 460. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.4.16977.
52. Гушер А. И. Вызовы и угрозы безопасности России // *Мировая политика*. – 2014. – 1. – С. 64 – 75. DOI: 10.7256/2409-8671.2014.1.10748. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10748.html.
53. Манойло А. В. Геополитическая картина современного мира и управляемый хаос // *Мировая политика*. – 2015. – 1. – С. 66 – 80. DOI: 10.7256/2409-8671.2015.1.12665. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_12665.html.

54. Карпович О.Г. Международные организации и их роль в предупреждении, урегулировании и разрешении этнополитических конфликтов // Национальная безопасность / nota bene. – 2014. – 3. – С. 398–405. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.3.11786.

REFERENCES

1. BSE. izd. 3-e, t.18, s. 435.
2. Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T.20, ss. 634-635.
3. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsii. M. 1977 g., s.193, 194.
4. Veber M. Izbrannye proizv. M.: 1990, s.646-647.
5. Bocharov V.V. Politicheskaya antropologiya i obshchestvennaya praktika. // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 1998. Tom. 1, №2, ss. 131-145.
6. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsii. Per. s angl. I.Z. Naletova. M.: AST: AST MOSKVA, 2009, ss. 47-48.
7. Arshinov V. I. Sinergetika kak yazyk prostranstv obnovleniya. M.: 2001, s. 218.
8. Shevchenko A. V. Informatsionnaya ustoichivost' politicheskoi sistemy. Monografiya. M.: Izd-vo RAGS, s. 50-51.
9. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsii. M.: 2001, s. 119.
10. Vasilenko I. A. Geopolitika sovremennogo mira. M.: Gardariki, 2006, s. 36.
11. Peters E. Khaos i poryadok na ryinkakh kapitala. Novyi analiticheskii vzglyad na tsikly, tseny i izmenchivost' rynka. Per. s angl. M.: Mir. 2000, s.15.
12. Gegel' G. V. F. Leksii po istorii filosofii // Soch. t.1. M.-L.: 1935, s. 54.
13. Vasilenko I. A. Geopolitika sovremennogo mira. M.: Gardariki, 2006, s. 36-37.
14. Mukhaev R. T. Geopolitika. 3-e izd. M.: YuNITI-DANA, 2011, s.28.
15. Sen'shin E. A. Evolyutsiya geopoliticheskikh paradig v transformiruyushchemsya mire. // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 48. ss. 49-62.
16. Tam zhe.
17. Geopolitics // Encyclopedia Americana. N.Y. 1987. Vol. 12, p. 508.
18. Geopolitics // Encyclopedia International. N.Y. 1967. p. 526.
19. Gray C. Geopolitics of Superpower. N.Y. 1990. p. 4.
20. Liddel Gart, B. Strategiya nepryamykh deistvii. Per. s angl. M.: Astrel'; Vladimir: VKT, 2012, s. 481.
21. Toinbi A. Postizhenie istorii. M.: Airis-Press, 2010, 640 s.
22. Manoilo A. V. Tekhnologii «tsvetnykh revolyutsii» v sovremennykh proyavleniyakh «gibridnykh voyn», ss. 261-273. Kollektivnaya monografiya «Gibridnye voiny» v khaotiziruyushchemsya mire XXI veka». Pod red. P.A. Tsygankova i A.Yu. Shutova, Izd. MGU, 2015.
23. Shaptalov B. N. Teoriya i praktika ekspansionizma. Opyt sil'nykh derzhav. M.: URSS, 2009, s. 16.
24. Shaptalov B. N. Fenomen gosudarstvennogo liderstva. Ekspansiya v morovoi istorii. M.: KRAFT, 2008, s. 22-30.
25. Shaptalov B. N. Teoriya i praktika ekspansionizma. Opyt sil'nykh derzhav. M.: 2009, s. 15-20.
26. King A., Shnaider B. Pervaya global'naya revolyutsiya. Doklad Rimskomu klubu. M.: Progress, 1991.
27. Attali Zh. Na poroge novogo tysyacheletiya. M.: 1993.
28. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers, 1500-2000. New York: Random House, 1987.
29. Kollinz R. Predskazaniya v makrosotsiologii: sluchai sovetskogo kollapsa. //Vremya mira. 2000. Vyp.1.
30. Collins R. The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change. Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1998.
31. Collins R. Weberian Sociological Theory. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1986.
32. Karyakin V. Geopoliticheskaya dinamika R. Kollinza i sovremennost'. Svobodnaya mysl', № 1(1608), 2010, s. 163-172.
33. Karyakin V. V. Sovremennaya geopoliticheskaya dinamika Blizhnego i Srednego Vostoka. Monografiya. M.: IG «Granitsa», 2010, ss. 21-29.
34. Gumilev L. N. Etnogenez i biosfera Zemli. L.: 1980, ss. 368-491.
35. Kondrat'ev N. D. Bol'shie tsikly kon'yunktury. Izbr. soch. M.: 1993, ss. 203-205.
36. Knyazeva E. N., Kurdyumov S.P. Osnovaniya sinergetiki. Sinergeticheskoe mirovidenie. M.: KomKniga, 2005, s. 45.
37. Nikolis G., Prigozhin I. Poznanie slozhnogo. Vvedenie. M.: URSS, 2003, ss. 23-24.

38. Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz khaosa: Novyi dialog cheloveka s prirodoi. Per. s angl. Izd. 6-e. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008, ss. 216-241.
39. Grinchenko V. T., Matsypura V.T., Snarskii A.A. Vvedenie v nelineinuyu dinamiku. Khaos i fraktaly. Iz-e 2-e, M.: Izdatel'stvo LKI, 2007, s. 128.
40. Manoilo A. V. Gibridnye voiny i tsvetnye revolyutsii v mirovoi politike. // Vestnik BIST. Seriya «Obshchestvennye nauki». 2015. № 4. S.7-19.
41. Manoilo A. V. Paradigmy upravleniya mezhdunarodnymi konfliktami: konkurentsia ili konfrontatsiya. // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. 2011. № 5. S. 135-142.
42. Manoilo A. V. Mirnoe razreshenie mezhdunarodnykh konfliktov: natsional'nye kontseptsii, modeli, tekhnologii. // Vlast'. 2008. № 8. S. 79-83.
43. Vneshnyaya politika Rossii v usloviyakh global'noi neopredelennosti: monografiya / pod red. P. A. Tsygankova. – M.: Izdatel'stvo «Rusains», 2015. – 280 s. ISBN 978-5-4365-0454-4 DOI 10.15216/978-5-4365-0454-4.
44. Filippov V. R. Sovetskaya teoriya etnosa. Istoriograficheskii ocherk / Ser. Istoriya nauki. M., 2010.
45. Filippova E. I., Filippov V. R. Gosudarstvo i obshchestvo pered litsom sotsial'nogo krizisa (dve paradigmy: rossiiskaya i frantsuzskaya) // Ezhegodnyi doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov. 2005. Moskva, 2006. S. 12-25.
46. Bocharnikov I. V. Terroristicheskaya gruppirovka «Islamskoe gosudarstvo» kak zakonomernoe sledstvie blizhnievostochnoi strategii SShA // Trendy i upravlenie. – 2015. – 4. – С. 395 – 402. DOI: 10.7256/2307-9118.2015.4.17007.
47. Aryamova A. D. Prakticheskaya realizatsiya tekhnologii tsvetnykh revolyutsii v Ukraine v 2004 i 2014 gg.: sravnitel'nyi analiz // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2015. – 4. – С. 439 – 442. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.4.17179.
48. Gyuler K. Bel'giiskii federalizm kak forma upravleniya etnopoliticheskimi konfliktami // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2015. – 4. – С. 426 – 430. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.4.17196.
49. Neimatov A. Ya. Teoreticheskie aspekty issledovaniya tsvetnykh revolyutsii // Trendy i upravlenie. – 2015. – 4. – С. 359 – 365. DOI: 10.7256/2307-9118.2015.4.16913.
50. Kalachev D. N. Sovremennaya sistema mezhdunarodnoi bezopasnosti: sredovye parametry // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014. – 4. – С. 544 – 549. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.4.13243.
51. Kuznetsov I. I. Politicheskaya pragmatika imperii: retsenziya na knigu Gerfrida Myunklera «Imperii: Logika gospodstva nad mirom – ot Drevnego Rima i do SShA» // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2015. – 4. – С. 454–460. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.4.16977.
52. Gusher A. I. Vyzovy i ugrozy bezopasnosti Rossii // Mirovaya politika. – 2014. – 1. – С. 64 – 75. DOI: 10.7256/2409-8671.2014.1.10748. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10748.html
53. Manoilo A. V. Geopoliticheskaya kartina sovremennogo mira i upravlyaemyi khaos // Mirovaya politika. – 2015. – 1. – С. 66 – 80. DOI: 10.7256/2409-8671.2015.1.12665. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_12665.html.
54. Karpovich O. G. Mezhdunarodnye organizatsii i ikh rol' v preduprezhdenii, uregulirovanii i razreshenii etnopoliticheskikh konfliktov // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. – 2014. – 3. – С. 398 – 405. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.3.11786.